

ДИАЛОГИ

В данной рубрике мы представляем записи, транскрипции бесед, проходящих в уникальной и деликатной атмосфере. В отличие от дебатов, в этих беседах нет конфронтации, нет страха и недоверия. В этих беседах нет жесткого распределения власти: я – спрашиваю (и только спрашиваю), а ты – отвечаешь (и только отвечаешь), спрашивающий и отвечающий могут меняться местами, а суть разговора не заиклена на необходимости переубедить собеседника. Мы называем эту рубрику «Диалоги».

Михаил Бахтин описывает диалог следующим образом: «Два голоса – минимум жизни, минимум бытия ... Диалогические отношения предполагают общность предмета интенции (направленности)... Монологизм в пределе отрицает наличие вне себя другого равноправного и ответно-равноправного сознания, другого равноправного я (ты). Монолог – завершен и глух к чужому ответу, не ждет его и не признает за ним решающей силы. Единственно адекватной формой словесного выражения подлинной человеческой жизни является незавершенный диалог. Жить — значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т. п. В этом диалоге человек участвует весь и всею жизнью: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками» (Михаил Бахтин. Эстетика словесного творчества). Мы надеемся, что мы сумеем создать такое пространство для наших тем и собеседников.

С Ольгой Карач беседует Евгения Иванова

БЕСЕДА С ОЛЬГОЙ КАРАЧ

7-го октября 2011 года на пресс-конференции с российскими СМИ Президент Беларуси Александр Лукашенко выразил свое отношение к возможности исполнения функций президента женщинами. В частности, было сказано:

... женщине кресло я бы не уступил только по одной причине: это не женское дело, это тяжелое дело – это во-первых. У меня и у российского президента полномочия верховного главнокомандующего. Ну

как женщина в юбке придет там перед строем, или на учениях... Хоть даже женщины сейчас и штаны носят, но все равно это не то. Это не женщины дело. В Евросоюзе функции президента может, наверное, исполнять женщина, хотя президент женщина – это тоже как-то не очень смотрится. Но там у них полномочия другие, они более представительские функции выполняют. У нас наоборот. У нас надо вкалывать, бегать, широко шагать, чтобы штаны не порвать и так далее. Поэтому не женское это дело. Да и мы, славяне, мы не очень воспринимаем, когда женщина-президент. Это мужская профессия, чисто мужская, не надо вам в эти президенты лезть, это беда, это горе, не дай Бог¹.

Евгения Иванова: Ольга, вот ты – лидер гражданской кампании «Наш Дом», Председательница Витебской областной организации Объединенной Гражданской Партии, член ПолитСовета ОПП, соучредительница Международного Центра гендерных инициатив «Адліга: Женщины за полное Гражданство». Что ты думаешь о той заботе, которую проявил Александр Григорьевич по отношению к женщинам-политикам, ограждая их от (потенциальной) беды, которой является президентство в таких странах, как Беларусь или Россия?

Ольга Карач: Как женщина – я выступаю против такого открытого патернализма. Думаю, женщины вполне могут сами решить, чем они хотят и могут заниматься в профессиональном плане. Как политик – я крайне не согласна. Такая постановка вопроса ставит под сомнение принципы равенства, равного доступа к государственным должностям и, в конечном итоге, демократии, - всего того, что закреплено в Конституции Беларуси. Как женщина-политик - я возмущена таким пренебрежением к серьезности работы, которую выполняют женщины, публичным недоверием и сомнением в потенциальных и реальных способностях женщин много и эффективно работать и, практически, заявлением о том, что женщины не «вкалывают». А что ты сама думаешь?

¹ «Лукашенко: “Президентское кресло я бы не уступил представительнице слабого пола”», *Комсомольская правда*, 7 октября 2011 г., <http://kp.ru/online/news/993370/>

Е.И.: Я думаю, что речь идет не столько о заботе, сколько о попытке исключить женщин из сферы серьезной и, главное, видимой политики. Это желание не женщин оградить от «беды» (весьма оригинальное название для обозначения сферы принятия политических решений), сколько «беду», т.е. политику, оградить от прихода женщин. Причем именно ту сферу политической жизни, где сейчас принимаются важнейшие и окончательные решения, влияющие на жизнь всех жителей нашей страны. И делается это в данном случае одним и тем же способом – выражением сомнения в совместимости женщин с политической и управленческой сферой. «Несовместимость» женщины якобы проявляется в трех разных сферах: 1) с необходимыми способностями, умениями и возможностями, которых у женщин нет (в данном случае «вкальывание»), 2) с какими-то политическими темами, областями и задачами (война, например) и 3) с нашей «славянскостью». Первую «несовместимость» я даже не буду обсуждать, т.к. мне она кажется... скажем так, весьма преувеличенной. Второй конфликт весьма любопытен – можно долго обсуждать, совместимо ли президентство как институт со славянством в принципе, т.к. первое отсылает к новейшим изменениям в политическом устройстве (институт президентства появился только в 18 веке, а в нашу страну пришел в последнюю декаду 20 века), тогда как славянство – это отсылка к далеким временам и совершенно другим мотивам. Но не это нас сейчас интересует. Меня, например, больше всего интересует, последний конфликт. Другими словами, действительно ли президентство – это не женское дело, поскольку связано с военной темой, и всегда ли оно с войной связано?

О.К.: Дивная все-таки логика у Александра Григорьевича. Женщина, значит, в форме главнокомандующего перед строем стоять не может, а семилетний мальчик Коля в форме главнокомандующего на военном Параде перед тем же строем – запросто может? Я не хочу, конечно, никого дискриминировать по признаку возраста и обобщать, но есть тут явное несоответствие и перегиб. Что касается моего личного мнения, то я, как женщина-политик, считаю, что дети должны играть и расти под мирным небом. Без автоматов в руках.

В детстве возле моего дома был тир. В моей школе в подвале был тир. Нам в школе преподавали «Начальную военную подготовку». Предполагалось, что детишки в школе «начинают» военную подготовку, а потом уже с каждым годом ее совершенствуют – через военно-полевые игры «Зарница», через военно-патриотические клубы, через военные кафедры в институтах и университетах, через обязательное несение службы в армии... Только много лет спустя я поняла, в какой ужасной системе мы жили. Если страна учит своих детей обращаться с оружием и воевать, значит, в ней что-то не в порядке.

Судя по размаху проводимых военных парадов и учений, для мужчины-президента в Беларуси война – это круто: солдатики бегают, кирпичи ломают на голове, стрекочут пулеметы, рвутся гранаты, танки туда-сюда... Движуха, короче. А для большинства женщин война – это тревожное ожидание почтальона у окна, похоронки, слезы, горе и боль, которая никогда не утихает. При этом многие женщины воюют наравне с мужчинами – я не игнорирую их опыт. Но кто-то всегда остается «дома», чтобы тем, кто воюет, было куда вернуться и за что, собственно говоря, воевать, и это чаще всего женщины, старики и дети.

Е.И.: то есть тебе кажется, что женщина-политик по-другому бы решала вопросы войны и мира? И что все-таки с (не)совместимостью?

О.К.: Да, я думаю, что по-другому. И дело не в несовместимости, а в другом отношении, других приоритетах, установках, ценностях и, в конечном счете, в другом социальном опыте, как ты любишь сама выражаться. Поэтому мне кажется, что если бы в 80-е годы у руля в Беларуси стояла женщина, то она бы костями легла, чтобы белорусские парни не ехали в Афганистан «выполнять интернациональный долг». Потому что, в то время как высокие начальники получали награды-звания-должности-квартиры, матери и жены в Витебске и по всей Беларуси получали цинковые гробы. А отмена льгот афганцам в 2007 году для меня показатель того, как государство непростительно легко относится к смертям белорусских воинов и быстро про них забывают.

И меня настораживает наше сближение с Россией. Почему оба президента молчат об участии армий союзных государств в военных операциях на территории друг друга? Для меня это очень принципиальный вопрос. Моя позиция такова: больше никакого выполнения «интернационального долга» и участия белорусов в чужих войнах! Наши дети, наши друзья, наши соседи, наши сограждане, в конце концов, не должны гибнуть в угоду политической конъюнктуре и чьим-то нездоровым амбициям. И «своих» войн мы не должны допустить! Исключение может быть только одно – если на нас напали. Тогда да, война до победного конца и в защиту нашей Родины.

И еще раз про несовместимость или совместимость. Задача верховного главнокомандующего – не в отслеживании целостности штанов во время беготни перед строем. Задача главнокомандующего и президента – это выстроить свою международную политику так, чтобы война в Беларуси, с Беларусью и с участием белорусских парней была бы в принципе невозможна. Чтобы Беларусь, как страну, уважали так, что никому бы в голову не пришло на нее нападать. Главное у верховного главнокомандующего, простите, мозги. А мозги не заменишь никакими штанами и даже большой фуражкой на голове.

Можете думать, что я так говорю, потому что я женщина, можете считать, что это моя личная политическая и гражданская позиция. Это неважно! Важно то, что происходит в стране и что это приносит людям. Боюсь, что Александр Лукашенко, запутавшийся в своей противоречивой международной политике, вряд ли сможет сказать твердое и однозначное «нет», если российскому руководству потребуются белорусские солдаты. И жизни наших сограждан, наших мужчин и женщин, могут быть выгодно проданы – за кредиты, помощь, низкую цену на газ и нефть и т. д.

Е.И.: А что бы сделала женщина-президент с твоей точки зрения? Ну, или, чтобы не обобщать и не говорить о всех женщинах так, как будто они все поступают одинаково, как бы ты поступила, случись тебе решать эти вопросы?

О.К.: Я все же буду говорить о женщинах как о группе, потому что мне кажется, что есть вещи, которые мы

разделяем. Я понимаю, что женщины – разные и что в основе моего видения лежит, прежде всего, мой собственный опыт бытия женщиной. Но я также причасна и к большому опыту общения с другими женщинами – моими избирательницами, коллегами, другими политиками в разных странах. Так вот, полагаю, что женщина-президент в международной политике не делала бы таких непростительных ошибок, как были продемонстрированы недавно белорусским лидером. Я бы не стала портить отношения с европейскими странами, в то время, когда экономика страны зависит от Евросоюза. Я бы сделала все возможное, чтобы сохранить дружеские отношения с другими странами. А, например, с Украиной и Россией, нашими соседями, я бы развивала партнерские отношения.

Есть ли сейчас хоть одна страна, которую мы бы могли с гордостью назвать своим «партнером»? Да, есть. Куба, Ирак, Ливия, Венесуэла, Северная Корея, некоторые арабские страны. Да, хорошо. Но экономически – это менее выгодно. Почему бы нам не развивать взаимовыгодные партнерские отношения, прежде всего, с соседями – другими славянскими и балтийскими странами? То есть, с нашими соседями: у нас общая история, общие корни, общие границы, общие проблемы и многое другое «общее». Они здесь, близко, с ними легко общаться. Но Беларусь так себя ведет, что соседи и руки подать боятся.

Е.И.: С «военным делом» – понятно. Твой подход – женский ли, политический ли – мне напоминает о разнице между умным и мудрым человеком: умный легко выйдет из трудной ситуации, а мудрый в нее просто не попадет. А что еще или в каких сферах ты (или женщина-политик) сделала бы по-другому?

О.К.: Сельское хозяйство. И в частности наши печально известные агрогородки. Мне всегда хотелось узнать имя того славного, но скромного архитектора этих удивительных домиков. Посмотришь на агрогородок, и сразу понятно: то ли автор проекта прибыл из знойной Африки, где не бывает зимы, холодов и снега, то ли это хитрый расчет государства, чтобы только алкаши в этих домиках и селились. Белорусы,

как нация с крестьянскими корнями, не перестают удивляться этому «восьмому чуду света». Дом в деревне – это ведь не просто дом. У крепких хороших хозяев дом – это только треть от всех хозпостроек. Остальное – сараи, навесы, хлев, пуни и прочие строения. Это у алкаша и лодыря – дом один-одинешенек на огороде, посреди бурьяна и лопухов.

В агрогородках, кроме домика, в углу участка скромно стоит одинокий сарайчик, в котором не поместится даже курятник. То ли туалет на две персоны, то ли «для красоты» кто-то соорудил. Где держать корову, поросенка, где хранить картошку, сено? Нет даже элементарного навеса для дров. Счастливые жители дома в агрогородке даже помыться не смогут: бани тоже нет. А ведь вопрос не праздный: по закону белорусский домовладелец без согласия отдела архитектуры сам никаких хозпостроек возвести не может.

Женщина-президент на агрогородки бы точно деньги не тратила, а вложила бы их в развитие уже существующих деревень и сел – на инфраструктуру, больницы, школы и многое другое. Вложила бы их в развитие фермерства, экотуризма, в поддержку крепких хозяев. Зачем строить новые дома, когда по Беларуси масса старых добротных брошенных домов? Они стоят намного дешевле, чем новострой, да и, видимо, простоят намного дольше. Потому что хозяева строили, и для себя, а не чиновники – и для «галочки».

Возьмем другой пример. Среди соседей мы известны как «бульбаши», т. е. картофельная нация. Картошка – наше все. Понятно, что если Беларусь хочет быть независимой в экономическом плане, то она должна завоевывать новые рынки и продвигать свою продукцию. Рядом большущий Евросоюз с 27-ю странами – в три с половиной раза больше России и в пятьдесят раз больше Беларуси. В ЕС полмиллиарда покупателей с зарплатой повыше белорусской. Почему бы не завалить европейские рынки белорусской картошкой?

Забавно, но факт: имея президентом бывшего директора совхоза, Беларусь за 17 лет его правления не смогла зарегистрировать в ЕС ни одного (!) сорта семенного картофеля. Скажу даже больше: не было ни одной попытки со стороны белорусских властей подать заявку на регистрацию сортов, а без регистрации, по европейским законам, выгодно продавать в Евросоюзе сельхозпродукцию невозможно. Даже

Россия, которая не имеет репутации «картофельной страны», умудрилась зарегистрировать два сорта, с которыми вполне может идти на европейские рынки.

Помнится, Маргарэт Тэтчер, в то время премьер-министр Англии, когда-то очень метко и жестко сказала про своих конкурентов-мужчин: «Петух, может быть, хорошо кукарекает, но яйца все-таки несёт курица». Вот и мне кажется, что и в сельском хозяйстве не хватает женской руки, чтобы вернуть ему конкурентоспособность. Хотя бы с Россией.

Ноябрь 2011 г.